

Ирина Алексеевна Белякова родилась в Воронеже. Окончила исторический факультет Воронежского государственного университета, Воронежский экономико-правовой институт. Работала инспектором по охране памятников истории и культуры Лискинского района, научным сотрудником Лискинского историко-краеведческого музея, в настоящее время — директор этого музея. Публиковалась в журналах «Молодая гвардия», «Московском журнале», «Подъём». Автор двух книг прозы. Живет в г. Лиски Воронежской области.

Ирина Белякова

«ТОЛЬКО БЫ ЖИЛА РОССИЯ...»

(Современники о личности Петра)

Весь жизненный путь императора Петра I, начиная с момента коронации, не содержал ничего обычного. Начнем с того, что на престол короновались двое цесаревичей, Иван и Петр, поддерживаемые двумя мощными родовыми кланами, не сумевшими каждый в отдельности в достаточной мере отстаивать свои интересы:

«Для этой коронации был приготовлен, вдобавок к прежнему царскому “сану”, новый такой же “сан” по образцу старого, то есть был сделан второй завод “царской утвари”. При этом новую Мономахову шапку, скипетр и державу так искусно подделал и под прежние, что их трудно было отличить от старых. Сделали также для обеих государей одно общее серебряное кресло. Успенский собор на этот раз был точно также устроен и убран, как и при предшествовавших коронациях, с той только разницей, что для царской утвари были поставлены не три, как прежде, а шесть богато убранных столов. При совершении коронации первенство, конечно, отдавалось старшему брату Ивану Алексеевичу. Священнодействовал патриарх Иоаким, и это была последняя царская, а вместе с тем и последняя коронация, совершенная патриархом»¹.

Несомненно, современники Петра Великого отмечали его неординарность, и многие из них вели записи о различных событиях из жизни монарха и описывали его внешность, манеры, привычки и поступки.

Подробно можно отследить весь жизненный уклад по дворцовым записям дьяков, ведающих расходами на царский быт: «Самый большой расход сахаров и других разных сластей происходил за торжественными родинными столами по случаю рождения царского ребенка, особенно если это был желанный наследник. Так, с большою радостью было отпраздновано рождение царевича Петра Алексеевича в 1672 г. В те же почти часы, как родился царевич, в час пополудни по нашему счету, государь, разославши радостную весть по всей Москве, шествовал со всем духовным и гражданским чином в Успенский собор к молебну, за которым следовала литургия. После моления государь в Передней Теремной дворца угощал бояр, окольных, думных людей, а также полковников и голов стрелецких водкою и фряжскими винами, а вместе с тем и различными овощами. В Переднюю были принесены яблоки, дули, груши из патоки в ковшах и иные овощи. А коврижек и взвару в то время не было, замечает Разрядная записка, указывая тем, что эти сласти составляли неотменное кушанье на родинном празднике. На третий день этого праздника 2 июня государь давал стол в Золотой Царицыной полате без особого торжества, без зову официального, как требовалось Разрядами, а по домашнему приглашению бояр и думных и ближних людей, которые поэтому все сидели без мест. Стол был домашний, собственно царицын. При нем служили только стольники царицы. Здесь опять важнейшее место занимало государево угощение вином и сластями. Государь жаловал всех водкою, а заедали коврижками и яблоками и дулями; (были) и инбиров, и смоква, и сукат в патоке, и иные овощи»². И здесь мы не станем перечислять многочисленные гостинцы, доставляемые многим достойным сановникам по случаю рождения царского ребенка.

Много ценных свидетельств получили историки от иностранных представителей при русском дворе. Так, секретарь шведского посольства Кемпфер описывает царскую аудиенцию двух братьев: «В приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах, под иконами, сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верующую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший — Петр не дал времени приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил со своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: “Его королевское величество, брат наш Карлус Свейский по здорову ль?”»³. Петр в одиннадцатилетнем возрасте показался Кемпферу шестнадцатилетним юношей.

Большой интерес для историков имеют воспоминания князя Бориса Ивановича Куракина. Вот как описывает он склонности Петра I в детстве: «И понеже царь Петр Алексеевич склонность свою имел к войне от младенчества лет своих, того ради имел всегда забаву екзерцию (учения — от *exercice (франц.)*) военною. И начал сперва спальниками своими — как о том и чинах их увидишь в томже живота царя Петра Алексеевича, — а к тому присовокупил и конюхов потешной конюшни, и потом начал из вольных чинов шляхетства и всяких прибирать в тот полк, и умножил до одного баталиона, и назывались — потешные, которых было с триста человек. А другой полк начал прибирать в Семеновском из сокольников и к ним также прибирать, и набрано было с триста ж человек. И первых назвал полк Преображенской, а второй — Семеновской. И так помалу привел себя теми малыми полками в огранение от сестры или начал приходить в силу. Также с теми полками своими делал непрестанно екзерцию, а из стрелецких полков возлюбил Суха-

рева полк, и всякое им награждение давал, и к себе привлек, или, сказать, верными учинил»⁴.

Изучая события детства и отрочества юного наследника престола, исследователь личности взрослого самодержца делает неутешительные выводы о характере монарха, вращенном тяжкими испытаниями и ограничениями раннего периода жизни. Страшные события, свидетелем которых стал он в детском возрасте, навсегда оставили свой отпечаток на его личности, о чем сообщают абсолютно разные современники — и русские, и иностранцы.

«И чрез те интриги дошло до того, что в 7197 <1689> году царь Петр Алексеевич понужден был в ночи из Преображенского месяца майя уйти в Троице-Сергиев монастырь, верхом только с пятью человеки. А мать его, царица Наталья Кирилловна, со всем двором, той же ночи бегом понуждена быть последовать туда ж. И в шесть часов скорым походом в тот монастырь пришли. И той же ночи помянутые полки потешные, или гвардия, туда последовали, также и полк стрелецкой Сухарев, который тогда ж в Преображенском гвардию имел, туда прибыл также. И многие бояре и другие чины, принадлежащие к тому двору, туда прибыли».

И со всеми оными его царское величество Петр Алексеевич будто, почитай, в том монастыре в осаду сел. И ворота были несколько дней заперты, и пушки на стенах в готовности, и вся та гвардия по ночам была в ружье по стене, ожидая приходу с полками стрелецкими царевны Софии Алексеевны»⁵.

Последствия детских травм наложили отпечаток даже на внешность Петра I, не говоря уже о его характере: «Нынешнему царю тридцать восьмой год; государь красив, крепкого телосложения и здоровья, но которое в последнее время сильно подорвано вследствие нерегулярного образа жизни и переутомления. Он был подвержен сильным конвульсиям, причиной которых, как говорят, стал яд, подсыпанный ему в юности по приказанию его сестры Софии... Он чрезвычайно любознателен и трудолюбив и за 10 лет усовершенствовал свою империю больше, чем любой другой смог бы сделать в десятикратно больший срок, и что еще более удивительно, сделал это без какой бы то ни было иностранной помощи, вопреки желанию своего народа, духовенства и главных министров, одной лишь силою своего гения, наблюдательности и собственного примера. Он прошел все ступени должностей в армии от барабанщика до генерал-лейтенанта, на флоте — от рядового матроса до контр-адмирала, а на своих верфях — от простого плотника до корабельного мастера. Царь имеет добрый нрав, но очень горяч, правда, мало-помалу научился сдерживать себя, если только вино не подогревает его природной вспыльчивости. Он, безусловно, честолюбив, хотя внешне очень скромн, недоверчив к людям, не слишком щепетилен в своих обязательствах и благодарности; жесток при вспышках гнева; не решителен по размышлению, не кровожаден, но своим характером и расходами близок к крайности. Он любит своих солдат, сведущ в навигации, кораблестроении, фортификации и пиротехнике. Он довольно бегло говорит на голландском, который становится теперь языком двора. Царь живет

Петр Великий

очень скромно. Будучи в Москве, никогда не располагается во дворце, а располагается в маленьком деревянном доме, построенном для него в окрестностях столицы, как полковнику его гвардии», — писал в своем донесении правительству английский посол Чарльз Уитворт⁶.

Герцог Сен-Симон, который встречался с Петром во время его пребывания в Париже, писал: «Он был очень высок ростом, хорошо сложен, довольно худощав, с кругловатым лицом, высоким лбом, прекрасными бровями; нос у него довольно короток, но не слишком, и к концу несколько толст; губы довольно крупные, цвет лица красноватый и смуглый, прекрасные черные глаза, большие, живые, пронизательные, красивой формы; взгляд величественный и приветливый, когда он наблюдает за собой и сдерживается, в противном случае суровый и дикий, с судорогами на лице, которые повторяются не часто, но искажают и глаза и все лицо, пугая всех присутствующих. Судорога длилась обыкновенно одно мгновение, и тогда взгляд его делался странным, как бы растерянным, потом все сейчас же принимало обычный вид. Вся наружность его выказывала ум, размышление и величие и не лишена была прелести»⁷. Но не только это пугало порой утонченных заграничных аристократов: Петр имел простой нрав и грубоватые манеры. Это был непосредственный в своих реакциях человек, не сдерживавший ни радости, ни гнева. Но гнев его был страшен и сочетался часто с жестокостью. В гневе он мог ударить и даже избить своих приближенных. Известны его злые шутки, особенно часто они были направлены на знатных и старых бояр, которые не одобряли его нововведений и тормозили проведение реформ, были сторонниками исконно-русских моральных и религиозных устоев. Вообще к противникам преобразований он относился особенно жестоко и пренебрежительно. Чего только стоит созданный им Всещутейший, Всепеньяйший и Сумасброднейший Собор, который занимался глумлением над всем, что в обществе почиталось как исконно-русское. Это была одна из затей, учрежденных им с целью развлечений, питейных увеселений, своеобразная шутовская «орденская организация», объединявшая царских единомышленников и отталкивавшая приверженцев традиционных русских устоев. Многие недовольные считали, что после великого посольства в Россию приехал не прежний русский Петр, его подменили на иностранного ставленника.

Любимая сестра Петра I, Наталья Алексеевна, напротив, всегда поддерживала брата и угождала ему. После переезда в Петербург в 1708 году царевна основала там любительский бесплатный общедоступный театр, для которого сама писала пьесы. Считается, что ее перу принадлежат «Комедия о Святой Екатерине», «Христанф и Дария», «Цезарь Оттон», «Святая Евдокия». В своей назидательной пьесе «Петр, или Золотые ключи» Наталья доказывала необходимость просвещения, а для этого — отсылки за границу на учебу молодых людей благородных фамилий. Во время антракта в театре играли веселые интермедии, высмеивая нравы старых времен и восхваляя реформы, проводимые Петром.

Однако понимали ли современники Петра I весь смысл и значение его преобразований? Могли ли они оценить размах и ценность их для России? Забота о могуществе государства, о его политическом значении было первейшим смыслом всех преобразований Петра, все остальное было средством к достижению этой высшей цели. Это было ни одной сферы жизни, которая не была бы затронута реформами и преобразованиями, начиная от государственного управления и заканчивая календарной реформой. Немаловажную их часть заняло реформирование промышленности. Петр как никто понимал, что без создания собственной промышленности невозможно противостоять никаким внешним угрозам, тем более вести наступательную политику. Государству нужны техники — и создаются учебные заведения для воспитания и образования моряков, артиллеристов, инженеров, медиков. Дается самоуправление городскому сословию, льготы желающим заводить фаб-

рики и заводы, русским купцам, торгующим за границей, и т.д. Организовываются различные промышленные предприятия, предписываются определенные правила, назначаются строгие наказания за несоблюдение этих правил.

В заботах своих о промышленности Петр, прежде всего, имел в виду, чтобы выгоды доставались русским людям, чтоб они выучивались разным производствам, а иностранцев он призывал только как учителей. Та же мысль видна и в учреждении Академии наук, которая заключала в себе, кроме ученого общества, и университет, и даже гимназию, имевшие целью готовить ученых из русских. Говорят, что Петр предсказывал то время, когда центр просвещения, некогда перешедший из Греции и Рима в Западную Европу, перейдет к нам.

С той же методичностью и тщательностью велась военная реформа при Петре I.

Если Карл XII, главный противник русского самодержца, вел Северную войну во многом «ради воинской славы», то у Петра I она всецело была подчинена его великодержавной политике. Последний ничего не предпринимал даром и руководствовался лишь интересами вверенного ему государства.

Фридрих Христиан Вебер, Брауншвейг-Люнебургский резидент, писал: «Что же касается до ходячего в свете мнения, будто бы сам царь обладает множеством знаний, то оно совершенно справедливо, и никто, хорошо знающий этого монарха, не станет оспаривать, что он первейший и разумнейший министр, искуснейший генерал, офицер и солдат своего царства, ученейший из всех русских богословов и философов, хороший историк и механик, искусный кораблестроитель и еще лучший мореход; но во всех этих знаниях имеет он очень ленивых и из-под палки действующих учеников. Военную часть поставил он на такую превосходную ногу и своих солдат (в особенности пехоту) довел до такой славы, что они не уступят никаким другим в свете, хотя, впрочем, имеют большой недостаток в хороших офицерах. Одним словом, там, где у русских господствует страх и слепое повиновение, а не рассудок, там они будут впереди других народов, и если царь продержит свой скипетр только 20 лет, то он уведет страну свою, именно вследствие сказанного повиновения, так далеко, как ни один другой монарх в своем государстве⁸. Вице-адмирал Корнелиус Крюйс так характеризует Петра I: «С кильгилеванием, конопачением и мазаньем кораблей мы так скоро и поспешно поступали, как бы на Адмиралтейской верфи в Амстердаме. Его Величество присутствовал притом в сей работе неусыпно, как с топором, дисенем, калфатом, молотком и мазаньем кораблей, и гораздо больше работая, нежели старый и весьма обученный плотник»⁹. Крюйс настолько был предан своему адмиралу Петру Михайлову, что весть о кончине Петра I стала для него настоящим ударом. В течение долгого времени Корнелий Иванович не мог смириться с этой утратой.

Любознательность царя была фанатичной. Свое пребывание во Франции он посвятил всестороннему изучению этой страны. Будучи в Большой галерее Лувра, Петр заинтересовался коллекцией «планов-рельефов», т.е. макетов, более сотни современных ему французских крепостей. Будучи в Париже, Петр посетил также здание приюта для раненых солдат-инвалидов на окраине города. По свидетельству герцога Сен-Симона, Петр «хотел все увидеть и все повсюду изучить. Отведал солдатской похлебки в столовой, выпил вина за здоровье солдат, осмотрел церковь, аптеку и госпиталь. Возможно, его впечатления от парижского Дома Инвалидов повлияли на ускорение строительства огромного Главного Морского и Сухопутного госпиталя в Санкт-Петербурге. Петр I становился неоднократно свидетелем учений французских войск, впрочем, не снискавшим его одобрения, якобы сказав князю Куракину: «Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют»¹⁰. Посетил Петр и судебное заседание в Парижском парламенте, пообщавшись с судьями и рассмотрев их парадные ман-

тии, подбитые горностаем. Визит его позволил осуществить широкую программу по знакомству с Парижем, французским искусством и наукой, но главная цель все же состояла в кропотливой дипломатической работе, ведущей к оформлению договора об окончании Северной войны.

Замечательными источниками, дающими характеристику Петру I, стали записки иностранных особ, с которыми государь встречался в ходе своего второго заграничного вояжа в 1716–1717 годах. Например, отчет о пребывании Петра I в Дюнкерке, адресованный главе Совета по морским делам маршалу д’Эстре от начальника портов Фландрии и Пикардии Жаков Биго де Ламоттом, подробно рассказывает о том, как 22 апреля Петр посетил старый порт Рисбан (артиллерийская позиция на сваях), как он внимательно осмотрел все руины, магазины и мастерские. В отчете наиболее интересны такие строки: «Этот странный монарх казался приятным и приветливым, не любящим ни заставлять других, ни сдерживать себя. Он всем интересуется, докапывается до сути, он проявляет любовь к военному делу, но особенно к морским делам, посещая во время отлива все укрепления, которые защищали вход в порт; он не говорит по-французски...»¹¹.

Во время своего визита во Францию Петр проявил свои самые лучшие человеческие качества, чем во многом удивил принимающую сторону. Например, он отказывался от всякого рода излишеств. Будь то выбор покоев или пищевых предпочтений стол. Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого, в переписке Александром Даниловичем Меншиковым сообщали о прибытии царя в Парижский Лувр: «Войдя в зал, он нашел там два стола на 60 кувертов каждый, сервированные скромной и постной пищей. Осмотрев их, он попросил кусок хлеба и репы, попробовал пять или шесть сортов вина, выпил два стакана пива, которое очень любит. Бросив взгляд на толпу вельмож и прочих господ, заполнивших все апартаменты, он попросил маршала де Тессе проводить его в отель Леди-гьер (...)»¹². А угощением, состоявшим из 800 блюд, воспользовалась лишь свита царя. Хозяева предлагали Петру остановиться в Лувре, но он предпочел более скромную резиденцию. Говорят, что Лувр ему не понравился «за великостью».

Размах личности первого русского императора наиболее точно может проиллюстрировать и он сам. Как писал выдающийся философ Вольтер: «Петр был механиком, художником, геометром. Он посетил Академию наук, которая хвасталась перед ним всем тем, у нее было наиболее редкого. Однако самой большой редкостью был сам Петр. Он исправил несколько географических ошибок на имеющихся картах его государства, особенно на карте Каспийского моря. Наконец, он соизволил стать одним из членов этой Академии и с тех пор поддерживал постоянную переписку, посвященную опытам и открытиям, с теми, кому он хотел быть простым собратом»¹³.

Интереснейший факт о несостоявшейся Мадагаскарской экспедиции, идея которой возникла у Петра I после известий о деятельности флибустьеров в Индийском и Атлантическом океанах, имевших почти государственную организацию и своеобразный нравственный кодекс, позволяет сделать вывод о том, что практически до конца своих дней царь сохранял живой государственный ум, не чуждый авантюризму. Петр загорелся идеей предложить правителю Мадагаскара протекторат России, памятуя о якобы колоссальных богатствах, собранных на Мадагаскаре, где находился центр организации флибустьеров. В одной из «грамот королю мадагаскарскому» мы читаем такие строки: «Божией милостью мы, Петр I, император и самодержец Всероссийский и пр. и пр. Высокопоставленному королю и владельцу славного острова Мадагаскарского наше поздравление.

Понеже мы заблагорассудили для некоторых дел отправить к нам (к вам?) нашего вице-адмирала Вильстера с несколькими офицерами, того ради вас просим, дабы оных склонно к себе допустить, свободное пребывание дать и, в том, что они

именем нашим вам предлагать будут, полную и совершенную веру дать, и с таким склонным ответом их к нам паки отпустить изволили, какового мы от вас уповаем и пребываем вашим приятелем. Петр»¹⁴.

Перед нами пример документов, впервые приобщивших Россию к мировой политике, которые говорят либо о желании занять для России океанскую базу, либо приобрести богатую колонию, либо развить морскую торговлю с Индией. Только избыток силы мог толкнуть государя на мечты о колониальной политике, и только наличие морского флота могло осуществить эту мечту.

Однако экспедиция к Мадагаскару была отложена, но состоялась другая — экспедиция капитана I ранга Витуса Беринга: «Надлежит в Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами. На оных ботах пройти возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтобы доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной кюст (берег) называют, и взяв на письмо, и самим побывать на берегу, и взяв подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюда»¹⁵. Читая эти указания императора, ощущая стойкую уверенность, что не будь он так болен уже в это время, отправился бы сам с Берингом искать пролив между Азией и Америкой. В этом случае можно было бы не сомневаться, что все берега были бы обследованы самым тщательным образом, как и все, что делал Петр I для пользы и славы своего государства.

Далеко не все современники понимали, что все дела Петра совершались во имя высокого начала — государственного блага: «А о Петре ведайте, — говорил он под Полтавою, — что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ее»; «Если случится (что я впаду в турецкий плен), — пишет Петр Сенату из-под Прута, — то вы не должны почитать меня своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелению от вас было требуемо, покаместь я сам не явлюсь между вами в лице моем»¹⁶.

Россия эпохи Петра Великого, по словам Александра Сергеевича Пушкина, могла представляться наблюдателю «огромной мастерской, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом»¹⁷.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Волховской М.Г. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.: по Забелину, Ключевскому, Карновичу и другим / составил М.Г. Волховской. — Санкт-Петербург: издание книгопродавца Т.Ф. Кузин, 1894. — 150 с.: ил.; 21 см.

² Там же. С. 132.

³ Богословский М.М. Петр Великий: Материалы для биографии: в 6 т. / М.М. Богословский; Археографическая комиссия; Архив РАН. — М.: Наука, 2005. — Т.1. — С. 48.

⁴ Куракин Б.И. История о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг. / Б.И. Куракин // Русская старина. — 1890. — Т. 68. — № 10. — С. 238–260; Редакт. статья: Село Надеждино и архив кн. Ф.А. Куракина в 1888 и 1890 гг. — С. 229–237.

⁵ Там же. С. 229–237.

⁶ Петр I / Сост., вступ. ст., примеч.: Я.А. Гордин. — СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2018. — С. 7–8.

⁷ Первый русский император // История Российской империи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<https://www.rosimperija.info/post/1640>], свободный. — Дата обращения: 2022 г.

⁸ Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Das veraenderte Russland. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера / Ф.-Х. Вебер // Восточная ли-

тература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.vostlit.info/Texts/rus14/Veber_II/text1.phtml?id=1456], свободный. — Дата обращения: 2022 г.

⁹ История Российского флота. — М.: Издательство «Э», 2017. — С. 54.

¹⁰ Мезин С.А. Петр I во Франции / С.А. Мезин. — СПб.: Европейский дом, 2018. — С. 114.

¹¹ Там же. С. 83.

¹² Там же. С. 103.

¹³ Там же. С. 206.

¹⁴ История Российского флота. — Москва: Издательство «Э», 2017. — С. 104.

¹⁵ Там же. С. 105.

¹⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе / К.Н. Бестужев-Рюмин // Журнал министерства народного просвещения. — 1872. — № 6 (Ч. 161). — С. 149–156.

¹⁷ Фирсов Н.Н. Петр Великий как хозяин / Н.Н. Фирсов // Библиотека русской литературы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://ruslib.3dn.ru/publ/firsov_nikolaj_nikolaevich_petr_velikij_kak_khozjain/1-1-0-3589], свободный. — Дата обращения: 2022 г.

